

Владимир Кожедеев

Монеты для сна.
Детектив

Мистика. Детектив-загадка. Мистические детективы

Владимир Кожедеев

Монеты для сна. Детектив

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Монеты для сна. Детектив / В. Кожедеев — «Автор»,
2026 — (Мистика. Детектив-загадка. Мистические детективы)

Осень 1830 года. Санкт-Петербург охвачен холерой и мистическими слухами. Когда красавица княжна Елена Трубецкая умирает во сне со странной улыбкой на устах, в её руке находят старинную квадратную монету с загадочной надписью «Licentia Somniis» — «Разрешение на сны». Коллежский асессор Павел Разин, известный своим «нюхом на сумасшествия», берётся за расследование. Вместе с верным другом, доктором Карлом Лерхе, он погружается в мир, где грань между явью и сновидениями стирается. Следы ведут в прошлое — к убийству императора Павла I, к тайному Братству Золотого Сна и к загадочной графине Шварц, чьи чёрные глаза без зрачков до сих пор являются людям в ночных грёзах. Мистический детектив, в котором переплелись история, хоррор и драма, рассказывает о противостоянии света и тьмы, о силе жертвенной любви и о том, что даже в самые мрачные времена есть место чуду. Сможет ли Разин закрыть врата прежде, чем весь Петербург погрузится в вечный сон?

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	17
Глава 5.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Кожедеев

Монеты для сна. Детектив

Глава 1.

Все обман, все мечта, все не то, чем кажется. «Невский проспект»
Николай Гоголь

Санкт-Петербург, октябрь 1830 года.

Ночь навалилась на город сырой и липкой, как простыня холерного больного. Смерд от каналов поднимался к небу, смешиваясь с туманом, и фонари на Васильевском острове горели тускло, будто зрачки умирающего.

Коллежский ассессор Павел Кириллович Разин вышел из пролетки у дома графини Шереметевой, зябко кутаясь в шинель. Его вызывали редко и всегда по пустякам – то пропажа болонки, то кража семейной табакерки у заезжего француза. Но сегодня записка от обер-полицмейстера была краткой и странной: «Приезжайте немедленно. Дело тихое, но громкое. Ваш талант к сумасшествиям потребен».

«Сумасшествия», – хмыкнул про себя Разин, поднимаясь по мраморной лестнице, где на каждой ступени, словно вороны, застыли жандармы.

В будуаре графини пахло ладаном и туберозами. В углу, укрытая парчой, лежала молодая княжна Елена Трубецкая – красавица, невеста, фрейлина. Лицо её было спокойно, даже благостно, лишь у губ застыла синеватая пена.

– Удар? – тихо спросил Разин, склоняясь над телом. – Холера?

– Нет, Павел Кириллович, – прошептал перепуганный лейб-медик, трясаясь так, что стучали зубы. – Она... она улыбалась. Целый час до кончины она смотрела в угол и улыбалась. И говорила, что видит Ангела. А потом... потом я нашел это.

Дрожащей рукой он протянул Разину маленький предмет, завернутый в батистовый платок.

Это была старая, чуть тронутая зеленью бронзовая монета. Но не русская – тяжёлая, квадратная, с выбитой на одной стороне пентаграммой и странной вязью: «Licentia Somniis».

– Разрешение на сны? – нахмурился Разин, вертя монету в пальцах.

– Хуже, сударь, – раздался от дверей скрипучий голос. На пороге стоял маленький горбатый человечек в ливрее, старый камердинер графини. – Это плата. Так в старину платили не извозчикам.

– А кому же?

Человечек перекрестился истово и часто.

– Тем, кто приходит за душой, когда колокол бьёт тринадцать. За этой монетой уже приходили. Давеча утром, – он кивнул в сторону закоулка, где на столике стоял граммофон с огромной трубой, – спрашивали, можно ли поставить пластинку. Пластинку, сударь, хотя аппарат сей испорчен и никогда не играл. И заплатили вот такой монетой.

Разин посмотрел на граммофон. Труба его была разбита, валик исковеркан. Но на столике рядом, в пыли, явственно виднелся отпечаток маленькой, нечеловечески тонкой ладони с шестью пальцами.

Туман за окном сгустился до черноты, и фонарь на улице погас, будто кто-то задул свечу над самым ухом. Где-то далеко, над Петропавловской крепостью, часы начали бить полночь, но Разин ясно расслышал тринадцатый, лишний удар, от которого заложило уши.

Он посмотрел на мёртвую княжну, на монету в своей руке и понял: это не кража и не отравление. В Петербург пришла Тьма, и платит она старым серебром.

Коллежский асессор Павел Кириллович Разин был человеком, о котором в департаменте говорили шепотом и с неловкостью, как о дальнем родственнике, который ест суп вилкой – вроде и не буйный, но лучше лишний раз не звать.

В тридцать два года он выглядел на все сорок пять: бледный, длиннолицый, с глубокими тенями под глазами, будто кто-то наставил ему синяков бессонницей. Вицмундир сидел на нём мешком, потому что портной шил его на человека с аппетитом и любовью к жизни, а Разин питался кофе да нюхательным табаком и оттого таял с каждым годом, как свеча на сквозняке.

Квартировал он на Лиговке, в доме, который называли «слезой архитектуры» – такой он был кривой и мрачный. Две комнаты, заваленные книгами по медицине, алхимии и немецкой философии, которую он, по собственному признанию, понимал хуже, чем собачью преданность. На стене висела сабля, доставшаяся от отца, участника войны двенадцатого года, и портрет матери – женщины с суровым лицом и удивительно добрыми глазами, умершей, когда Павлу было десять.

Особый талант Разина, который обер-полицмейстер так деликатно назвал «способностью к сумасшествиям», родился из трагедии. Пять лет назад его невеста, Катенька Львова, утопилась в Фонтанке. Никто не понимал почему – счастливая, румяная, за две недели до свадьбы. А Разин понял. Он провёл три дня в её комнате, перебирая книги, письма, разговаривая с подругами и горничными, и нашёл-таки томик Байрона на английском, которого Катенька не знала. Книга принадлежала некому поручику Красовскому, и на полях карандашом были помечены строки о самоубийстве. Разин выследил поручика, избил тростью до полусмерти и добился его высылки из столицы.

Но Катеньку это не вернуло. С тех пор он видел в каждом преступлении не просто нарушение закона, а сломанную человеческую душу. Он говорил с убийцами как с больными, с ворами – как с заблудшими детьми, и часто выуживал признания там, где опытные следователи лишь хрипели от крика.

– Разин беса ловит, – шутили в жандармском управлении. – У него нюх на нечистого.

Сам же Павел Кириллович не верил в чертей, но твёрдо знал, что человек способен на такую глубину зла, которая любому бесу и не снилась. Именно это знание заставляло его браться за самые безнадежные дела.

Вернувшись от графини Шереметевой лишь к утру, он не лёг спать, а сел к столу, заварил цикорий (настоящий кофе кончился ещё в среду) и разложил перед собой странные вещи: квадратную монету, клочок бумаги с каракулями лейб-медика и собственные заметки.

«Licentia Somniis, – бормотал он, водя пером. – Разрешение на сны. Или позволение грезить. Кому и зачем понадобилось платить за право видеть сны? И кто этот коллектор грёз с шестипалой ладонью?»

Он вспомнил камердинера. Старик Филимон служил у Шереметевых сорок лет, видел трёх императоров и двух призраков (о чём сам охотно рассказывал). В его историях всегда была система: призраки появлялись только перед большими бедами, и всегда просили не денег, не водки, а именно странных, мелких услуг – подать платок, открыть окно, сыграть на фортепиано «Соловья» Алябьева.

– Филимон, – спросил тогда Разин, уже уходя, – а что за человек приходил? Вы его разглядели?

Старик перекрестился:

– Господь с вами, сударь. Как его разглядишь? Вроде и видишь, а вроде и нет. Одет прилично, по-немецки, в чёрное. Лицо... лицо, как у всех. А руку протянул – я и обмер. Шесть

пальцев, сударь. И все в перстнях. И пахло от него не духами, а – старик замялся. – А сырой землёй. Будто из могилы только что поднялся.

Разин допил цикорий, поморщился от горечи и подошёл к окну. Лиговка просыпалась: дворники скребли лопатами тротуары, извозчик ругал какого-то пьяного мастерового, застрывшего в сугробе, баба с коромыслом шла к колонке. Обычная жизнь, обычный Петербург.

Но в кармане его сюртука лежала монета, которая ночью, когда он пытался заснуть, чуть заметно нагрелась и пульсировала в такт сердцу. Или ему показалось?

Он вынул её, положил на ладонь. Бронза как бронза. Холодная, тяжёлая. Только вязь на обороте, которую он сперва принял за пентаграмму, при ближайшем рассмотрении оказалась не геометрической фигурой, а стилизованным изображением – спящий человек, из головы которого, как лучи, исходят линии, сплетающиеся в звезду.

– Сновидения, – прошептал Разин. – Вы платите за право видеть сны. Но кто-то ведь должен их забирать.

В дверь постучали. Три коротких удара, пауза, ещё один. Условный знак его единственного друга и вечного оппонента – доктора Лерхе, немца из прибалтийских, служившего в Обуховской больнице.

– Войдите, Карл Иванович, не заперто.

Доктор влетел в комнату вихрем – маленький, кругленький, с багровыми от мороза щеками и очками, которые всё время сползали с носа.

– Павел Кириллович! Я всю ночь не спал! – закричал он с порога. – Я, знаете, тоже полез в книги! Ваша монета – это же чушь, мистика, но форма! Квадратная форма! Я вспомнил! Есть такой орден, вернее, было братство в Пруссии, в конце прошлого века. «Братство Золотого Сна» или как-то так. Алхимики, розенкрейцеры, чёрт их дери. Они верили, что через сны можно путешествовать в иные миры и даже влиять на реальность. И платили они не золотом, а специальными жетонами. За право быть допущенным к общим сновидениям!

Разин поднял бровь:

– К общим сновидениям? Это как обед в английском клубе?

– Именно! – Лерхе от волнения сбил со стола стопку бумаг. – Представьте, что несколько человек видят один и тот же сон. И там, во сне, они могут встречаться, говорить, что-то решать. А потом просыпаются и воплощают это в жизнь! Гениально! Или безумно!

– Или смертельно опасно, – тихо добавил Разин. – Если во сне можно убить, что тогда? Проснёшься мёртвым?

Доктор замер, поправил очки и побледнел так, что веснушки стали видны ярче.

– Об этом я не подумал. Вы думаете, княжну убили во сне?

– Я думаю, Карл Иванович, что кто-то в этом городе решил поиграть в Бога. Или в дьявола. И платит за это старой медью. И мне очень нужно узнать – зачем красивой, богатой, счастливой невесте понадобилось покупать разрешение на сны? Чего ей не хватало в реальности?

Он взглянул на монету, и ему показалось, что бронза снова чуть потеплела.

– Поедемте к Трубецким, – сказал он, накидывая шинель. – Хочу посмотреть на спальню княжны. И на её личный дневник, если он сохранился.

– Думаете, матушка отдаст? – усомнился Лерхе.

– Матушка, – Разин усмехнулся уголками губ, – сейчас в таком горе, что ухватится за любую соломинку. А я умею прикинуться соломинкой. Поехали.

Они вышли на лестницу, и сырой лиговский воздух ударил в лицо. Где-то вдали, над Невой, закричали чайки – хотя какие чайки в октябре? Разин поднял голову. Над крышами, в разрыве туч, кружила огромная чёрная птица. Слишком большая для вороны. Слишком чёрная для чайки.

Птица сделала круг, другой – и вдруг камнем рухнула вниз, скрывшись за домами.

– Карл Иванович, – тихо спросил Разин, – вы орлов в городе часто видите?

– Орлов? – удивился доктор. – Помилуйте, где ж им взяться? Разве что из зверинца сбежал.

– Возможно, – кивнул Разин, но почему-то подумал о шестипалой руке, о монете, греющейся в кармане, и о княжне, которая перед смертью улыбалась ангелу.

Птица исчезла, но на душе у него стало ещё тревожнее. Петербург, и без того город странный, начинал выворачиваться наизнанку. И где-то в этой изнанке, в мире снов и теней, его уже ждали.

С квадратной монетой в кармане и с пулей отца на шее (он всегда носил её как талисман) Павел Кириллович Разин шагнул в пролетку, чтобы ехать навстречу самой страшной загадке в своей жизни.

Глава 2.

Три дня, прошедшие после смерти княжны Трубецкой, превратили тихую городскую трагедию в многоголосый столичный хор, где каждый пел свою партию.

«Санкт-Петербургские ведомости» от 15 октября 1830 года вышли с заметкой на последней полосе, затерянной между объявлениями о продаже рысаков и сообщением об отплытии торгового судна в Любек:

«С прискорбием извещаем почтеннейшую публику о безвременной кончине фрейлины Ея Императорского Величества, княжны Елены Дмитриевны Трубецкой. Причина смерти, по заключению медицинской комиссии, – апоплексический удар, случившийся вследствие слабости нервной системы, столь свойственной чувствительным особам в осеннее ненастье. Похороны состоятся завтра в Александро-Невской лавре при стечении ближайших родственников».

Однако «Северная пчела» Фаддея Булгарина, которую в гостиных читали с куда большим интересом, чем казённые «Ведомости», преподнесла историю иначе. В разделе «Смесь», под видом светской хроники, появился ядовитый пассаж:

«Не можем не отметить странного совпадения: в тот самый час, когда одна из первых красавиц нашего общества отдала Богу душу, на Владимирской площади цыганка нагадала чиновнику министерства финансов скорую смерть в воде, и тот, бедняга, тут же упал в обморок. К чему бы это? Уж не шастает ли по столице нечто, чего наши учёные мужи не могут объяснить даже ланцетом? Впрочем, цензура не велит нам распространяться о мистических материях, а посему ограничимся фактом: покойница, говорят, улыбалась. Мёртвая – и улыбалась. Наведите справки у извозчиков, они всё знают».

Извозчики действительно знали всё. К вечеру вторника на Сенной площади, в трактире «Адмиралтейство», где грелись ломовые извозчики, история обросла такими подробностями, что хоть оперу пиши.

– Сказывают, – гудел рыжий детинище с нашивкой за пятнадцать лет службы, – что княжна, тая по ночам не спала, а всё в окошко глядела. И видали её горничные: стоит, на луну смотрит, и рукой машет, будто кому-то. А кому махать-то? Жених-то, слышь, в действующей армии, на Кавказе!

– Врёшь! – вскинулся молодой парень с подбитым глазом. – Мой кум в казачках при штабе служит, так пишет: жених её, князь Оболенский, ещё месяц назад в Петербург отпросился, да в дороге застрял, чума проклятая, карантины везде. Он, может, и здесь уже, тайком!

– Тайком от кого? От императора? – хмыкнул рыжий. – Дурак ты, Ванька. Жених, говорят, когда весть получил, так три часа в номере гостиницы «Демут» метался, а потом вышел – белый, как полотно, и велел четвёрку лошадей закладывать. К ней, к телу, значит, рванул. Да не пустили.

– Кто не пустил?

– А матушка её, княгиня-вдова. Она, слышь, на жениха того зуб имеет. Будто бы он дочку её, Елену, чем-то испортил. Приворотом каким аль ещё хуже. Потому она и Разина этого, чудака из сыскной части, пригласила. Не жандармов, заметь, а именно его. Потому что жандармы – люди государевы, им как скажут, так и будет. А Разин сам по себе, как блоха на стекле, его не прихлопнешь и не поймашь.

Имя Разина в те дни замелькало в разговорах с необычной частотой. В Английском клубе, где пахло дорогим табаком и заморскими винами, старый князь Гагарин, известный остролов, заметил:

– Вы слышали? Нашего Шерлока Холмса, пардон, нашего Разина, приставили к делу Трубецкой. Говорят, он уже нашёл какую-то древнюю монету и теперь носит её с собой, как с писаной торбой. Скоро, поди, начнёт духов вызывать.

– А что, – поддержал его отставной гусар с нашитым на рукаве трауром по недавно почившей жене, – может, и вызовет. Времена такие. Вы посмотрите, что творится! Холера кругом, бунты в военных поселениях, турки нагледят, а тут ещё и мёртвые красавицы улыбаются. Не к добру это. Помяните моё слово – не к добру.

Графиня Шереметева, в доме которой произошла трагедия, заперлась в своих покоях и никого не принимала, но её горничные, судачившие на кухне с прислугой соседних домов, разнесли версию, от которой у суеверных людей стыла кровь.

– Барыня наша сказывала, – шептала круглолицая девка с красными от слёз глазами, – что в ночь перед смертью княжны весь дом трясло. Не сильно, будто ветер, а ветра не было. И в зеркалах, верите ли, отражения путались. Я сама видела: стою перед трюмо, а вместо себя – мужика какого-то в чёрном вижу. Обернулась – никого. А зеркало-то целое, не битое!

– Брешешь, – лениво отмахивался повар, но глаза у него были испуганные. – Это тебе с перепою.

– Какой перепою, Пахомыч, я в рот не беру! – обижалась девка. – А ещё у покойницы, говорят, в руке платок зажат был, а на платке – буква «S» вышита. И не по-нашему, а по-за морскому. S, значит. Или змея, или...

– Или смерть, – заканчивал повар и крестился.

В кофейне Вольфа и Беранже, где собирались литераторы, история обрастала философскими смыслами. Молодой Пушкин (которого все ещё числили молодым, хоть ему уже шёл четвёртый десяток), услышав краем уха пересуды, хмыкнул и бросил:

– Господа, вы напрасно ищете чертовщину. Смерть всегда проста, как выстрел. А всё, что сверх того, – от бессилия ума. Но если этот ваш Разин отыщет-таки чёрта в деталях, я первый напишу поэму.

– Александр Сергеевич, вы же в приметы верите? – спросил его кто-то из молодых.

– Верю, – усмехнулся поэт. – Верить в приметы – последнее дело поэта. Но не верить в них – последнее дело русского человека. Так что я, пожалуй, погадаю на кофейной гуще. А ну как увижу там квадратную монету?

Смех был общий, но нервный.

А на окраинах города, в деревянных домиках Коломны и на Петербургской стороне, где селился простой люд, судачили о своём. Старухи-знахарки, торговавшие на Сенном рынке сушёными травами, пользовались моментом повсюду:

– Покупайте полынь, православные! От дурного глаза и от полуночного гостя! А то ходит нынче по городу один, кто по ночам в окошки заглядывает. Кому покажется – тот и помер!

И покупали. И крестились. И запирали двери на два засова, хотя раньше и одним обходились.

Третьего дня к Разину явился неожиданный гость. Молодой человек в щегольском сюртуке, с тростью с серебряным набалдашником и с таким надменным выражением лица, будто он проглотил аршин и никак не мог его переварить.

– Коллежский ассессор Разин? – спросил он с порога, не снимая шляпы. – Я князь Оболенский. Жених Елены Трубецкой.

Разин поднялся из-за стола, окинул гостя взглядом. Молод, красив, но глаза красные – то ли от слёз, то ли от бессонницы, то ли от чего похуже.

– Слушаю вас, князь.

Оболенский прошёл в комнату, брезгливо оглядел заваленные книгами стулья, сел наконец, положил трость на колени.

– Я слышал, вы ведёте какое-то расследование. Я хочу знать, что вы нашли.

– А вы имеете отношение к следствию? – спокойно спросил Разин.

– Я имею отношение к Елене! – вспыхнул князь. – Мы должны были обвенчаться через месяц! И вдруг она умирает, а какой-то чиновник роется в её вещах, задаёт вопросы прислуге, пугает матушку рассказами о каких-то монетах! Что за монеты? Покажите!

Разин помедлил, но монету вынул. Протянул князю.

Оболенский взял её, повертел в руках, и вдруг лицо его переменялось. Краска схлынула, оставив мертвенную бледность.

– Откуда... – голос его сел. – Откуда это у вас?

– Вы знаете, что это такое?

Князь молчал, сжимая монету так, что побелели костяшки.

– Это брелок. Я подарил ей такой в прошлом году. Сувенир из-за границы. Их много, это безделушка...

– Врёте, князь, – спокойно сказал Разин. – Таких монет нет в продаже. Их чеканили в Пруссии сорок лет назад для тайного общества. И ваша невеста не носила её как брелок. Она спрятала её в потайном отделении секретера, куда даже мать не заглядывала. Откуда вы знаете, что это за вещь?

Оболенский вскочил, швырнул монету на стол. Она упала, звякнув, и покатилась, описывая странные круги, будто живая.

– Я ничего не знаю! И вам не советую соваться в чужие дела! Елена умерла от болезни, и точка. А если вы продолжите распускать грязные сплетни, я найду на вас управу! У меня связи в Третьем отделении!

– Управу? – Разин усмехнулся. – Князь, я не боюсь управы. Я боюсь только одного: что завтра ещё одна красивая девушка улыбнётся во сне и не проснётся. А виноваты в этом будут такие, как вы, которые знают, но молчат. Ступайте.

Оболенский выскочил вон, хлопнув дверью так, что с полки упала книга. Разин поднял её – это был старый трактат по сомнологии, подаренный доктором Лерхе.

Он подошёл к окну и увидел, как князь садится в пролетку. И вдруг заметил то, от чего сердце его пропустило удар: на правой руке Оболенского, когда тот поправлял перчатку, мелькнуло что-то странное. Разин не успел разглядеть, но ему показалось... нет, не может быть.

Шесть пальцев? Или игра света?

Пролетка уехала, а Павел Кириллович ещё долго стоял у окна, глядя на серое октябрьское небо, по которому, как предзнаменование, тянулись чёрные птицы. Много птиц. Слишком много для октября.

Внизу, на улице, мальчишка-газетчик выкрикивал свежий номер «Пчелы»:

– Ужасное происшествие! Смерть красавицы! Предсказания цыганки! Читайте, православные, не пожалеете!

Разин вздохнул, закрыл окно и вернулся к столу. Монета лежала на прежнем месте, холодная и равнодушная. Но когда он протянул к ней руку, ему почудилось, что бронза пульсирует теплом. В такт его сердцу. Или в такт чьему-то другому сердцу – тому, что билось сейчас где-то в городе, в груди существа с шестью пальцами и правом входить в чужие сны.

– Ну что ж, – сказал он тихо. – Давайте играть.

И написал первое слово в новом листе дела: «Оболенский».

К вечеру того же дня доктор Лерхе принёс новые вести. В Обуховскую больницу привезли молодую купчиху с Васильевского острова – тоже улыбалась перед смертью, тоже говорила про ангела, и тоже в руке её нашли странный предмет.

Не монету. Перо. Чёрное воронье перо, воткнутое в подушку.

– Сны, Павел Кириллович, – бормотал Лерхе, трясаясь мелкой дрожью. – Они приходят за снами. Или за спящими. Я боюсь, я очень боюсь, что это только начало.

За окнами сгущались сумерки, и Петербург, огромный, больной, прекрасный и страшный, готовился к очередной ночи. Ночи, в которой кому-то суждено было увидеть сны, за которые платят старой медью и вороньими перьями.

А Разин сидел при свече и писал. Он ещё не знал, что завтра получит письмо от княгини Трубецкой с признанием, от которого волосы встанут дыбом. И что послезавтра ему придётся войти в дом, где его уже ждут – ждут те, кто не спит по ту сторону снов.

Но это будет завтра. А пока – только ветер, только чёрные птицы над Невой, и старая квадратная монета, тихо пульсирующая в такт чьему-то далёкому сердцу.

Глава 3.

Визит к княгине Трубецкой Разин откладывал три дня. Не из робости – из какого-то смутного предощущения, что именно эта дверь откроет путь туда, откуда не возвращаются. Но медлить долее было нельзя: вторая смерть (купчиха с Васильевского, безвестная, никем не оплаканная, кроме безутешного мужа-старовера) ясно показала, что дело не ограничится одной жертвой.

Особняк Трубецких на Английской набережной встречал гостей траурной тишиной. Швейцар в чёрной ливрее открыл дверь без обычного подобострастия, лишь молча кивнул и указал на лестницу. В доме пахло воском и увядшими цветами – запах смерти, который Разин научился различать среди тысяч других.

Княгиня Елизавета Петровна Трубецкая приняла его в будуаре, отделанном голубым шёлком, – комнате, которая, казалось, специально была создана для того, чтобы подчеркнуть её красоту. Красота эта, впрочем, уже увядала, как увядает роза, простоявшая в вазе лишнюю неделю: в сорок пять лет княгиня выглядела на свои годы, но с той породистой статью, которую не берут ни морщины, ни седина.

– Садитесь, Павел Кириллович, – голос её звучал глухо, но твёрдо. – Я ждала вас. И боялась.

Разин опустился в кресло напротив, с удивлением заметив, что княгиня не плакала. Глаза её были сухи, лишь под ними залегли тени такой глубины, будто женщина не спала неделями.

– Чего именно вы боялись, ваше сиятельство?

– Что вы найдете правду. И что я не смогу вам её рассказать. – Она помолчала, теребя кружевной платок. – Но после смерти этой купчихи... я читала в газетах. Те же симптомы, та же улыбка. Я больше не имею права молчать. Даже если это погубит память о моём муже.

Разин насторожился. О покойном князе Дмитрие Ивановиче Трубецком он знал немного: богач, меценат, в молодости служил в гвардии, потом вышел в отставку, много путешествовал, умер пять лет назад от воспаления лёгких, если верить официальным источникам.

– Ваш супруг...

– Мой супруг, – перебила княгиня, и в голосе её впервые дрогнула боль, – не умер от воспаления лёгких. Он ушёл. Исчез. А я солгала свету, чтобы сохранить детям имя и наследство.

Разин молчал, давая ей выговориться. Княгиня встала, подошла к секретеру красного дерева, вынула потайной ящик и достала оттуда небольшой портрет в серебряной рамке.

– Вот он. Дмитрий. Каким я его полюбила.

С портрета глядел красавец лет тридцати: тёмные кудри, орлиный профиль, глаза с поволокой – те самые, что в старину называли «колдовскими». Разин вдруг поймал себя на мысли, что эти глаза смотрят с портрета так, будто видят сквозь время и пространство.

– Мы обвенчались в 1805-м, – начала княгиня, глядя куда-то мимо Разина, в прошлое. – Мне было семнадцать, ему двадцать три. Я была княжной Голицыной, выросла в холе и неге, а он был другим. Не таким, как все. В нём чувствовалась порода, да, но ещё и что-то дикое, необузданное. Моя матушка говорила: "Лизанька, в этом женихе есть что-то цыганское". А я смеялась. Я была влюблена до безумия.

Она прошлась по комнате, остановилась у окна, глядя на Неву, серую и тяжёлую под октябрьским небом.

– Первые годы были счастливыми. Дмитрий боготворил меня, мы путешествовали: Париж, Вена, Италия. В Риме родилась Елена. А потом... мы поехали в Пруссию. В Кёнигсберг. Там всё и началось.

– Началось? – тихо переспросил Разин.

Княгиня обернулась, и в глазах её мелькнул страх, который не могли скрыть ни гордость, ни выдержка.

– Там Дмитрий встретил старых знакомых по масонской ложе. Я и прежде знала, что он масон – в те времена это было модно, почти обязательно для человека его круга. Но эти люди... они были другими. Они называли себя "Братством Золотого Сна". Говорили о каких-то опытах, о путешествиях души вне тела. Дмитрий вернулся после той встречи сам не свой. Глаза горели, как у безумца. И в ту же ночь... – она запнулась.

– Что произошло в ту ночь?

– Он пришёл ко мне и сказал, что нашёл способ никогда не расставаться. Что мы можем быть вместе даже во сне. И показал монету. Такую же, как та, что вы нашли у Елены. Сказал, что это ключ. Если оба заснут, сжимая её в руке, то увидят один сон и встретятся там.

Разин достал из кармана квадратную монету, положил на стол. Княгиня вздрогнула, отшатнулась, но потом, пересилив себя, подошла и взяла её в руки.

– Да. Такая же. Только на этой царапина. Видите? – она указала на едва заметную риску. – У Дмитрия была точно с такой же. Он говорил, что это метка посвящённого.

– И вы пробовали? – спросил Разин, хотя ответ уже знал.

– Пробовали. – Княгиня закрыла глаза. – Это было прекрасно и чудовищно одновременно. Мы действительно встретились во сне. Гуляли по садам, каких нет на земле, говорили о вещах, о которых не говорили наяву. Я узнала его по-настоящему только там, во сне. Его душу. Его страхи. Его тайны.

– Какие тайны?

Она долго молчала, и Разин уже решил, что не ответит, но княгиня заговорила вновь, и голос её звучал глухо, как из могилы:

– Дмитрий был не единственным в роду, кто искал путь в сны. Его дед, князь Алексей Петрович, при Павле Петровиче служил, и ходили слухи, будто он участвовал в каких-то опытах при дворе. Сам император, знаете ли, увлекался мистикой, привечал всяких проходимцев, астрологов, магов. Говорят, в Михайловском замке есть комната, где стены помнят такие заклинания, что до сих пор по ночам шепчут.

– И что же делал князь Алексей?

– Он искал способ заглянуть в будущее. Через сны. Ему было видение, что Павел Петрович погибнет от рук близких. Он пытался предупредить, но император не поверил. А когда предсказание сбылось, князь Алексей сошёл с ума. Заперся в своём имении и до самой смерти пытался вызвать дух убитого государя. Дмитрий нашёл его дневники. Изучал их, как священное писание.

Разин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Михайловский замок, убийство Павла, заговоры, масоны, сны – всё сплеталось в тугой узел, который начинал пульсировать, как живой.

– Вернёмся к вашему мужу, – сказал он. – Что случилось потом?

– Мы вернулись в Россию. Дмитрий всё больше времени проводил в кабинете, запершись с книгами и дневниками деда. Он почти перестал спать по ночам – боялся, говорил, что сны становятся слишком реальными. Что он уже не понимает, где явь, а где греза. А потом он исчез.

– Как исчез?

– Просто не проснулся однажды утром. Я пришла его будить – он лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок и улыбался. Я думала, он умер, бросилась к нему, а он был тёплый, дышал, сердце билось. Но разбудить его я не могла. Ни в тот день, ни на следующий, ни через неделю. Он спал, Павел Кириллович. Спал мёртвым сном, но был жив.

– И сколько это продолжалось?

– Сорок дней. – Княгиня выдохнула это слово, и оно повисло в воздухе, тяжёлое, как похоронный звон. – Сорок дней я сидела у его постели, кормила с ложечки, читала вслух,

молилась. А он лежал и улыбался. Иногда губы его шевелились, будто он говорил с кем-то невидимым. Иногда он плакал во сне – слёзы текли по щекам, а лицо оставалось блаженным. А на сороковой день он открыл глаза.

Разин невольно подался вперёд.

– И что он сказал?

– Он сказал: "Я видел Её. Она ждёт меня там. Я должен вернуться". И больше не проронил ни слова. Прожил ещё три дня – ходил, ел, даже улыбался нам с Еленой. Но смотрел сквозь, будто видел что-то другое. А потом лёг спать – и не проснулся уже по-настоящему. Утром он был холодный. Врачи написали "воспаление лёгких". Я похоронила его в фамильном склепе. Но перед смертью он отдал мне вот это.

Она подошла к секретеру, вынула из того же потайного ящика маленькую шкатулку чёрного дерева, инкрустированную перламутром. Открыла. Внутри лежала стопка писем, перевязанных чёрной лентой.

– Это его дневники. Последних месяцев. Я никому не показывала их – боялась, что сочтут сумасшедшей. Или хуже – что отберут, засекретят, уничтожат. Но теперь, когда Елена...

Голос её дрогнул, и впервые за весь разговор княгиня позволила себе слабость – прижала платок к глазам, сдерживая рыдания.

Разин взял шкатулку бережно, будто она была наполнена порохом. Открыл верхнее письмо. Почерк был мелкий, бисерный, с наклоном влево – почерк человека, который что-то скрывает даже от себя.

"Сегодня видел Её снова. Она зовёт меня. Говорит, что там, за гранью сна, мы будем вместе всегда. Я знаю, что это безумие, но не могу противиться. Лизанька смотрит на меня с тревогой, маленькая Леночка тянет ручки, а я думаю только о Ней. Кто Она? Ангел или демон? Но разве это важно, если в Её объятиях я чувствую себя живым, как никогда наяву? Она обещает, что научит меня ходить по снам других людей. Что я смогу входить в любую грезу, видеть любые тайны. Какая власть! И какое падение..."

– Кто эта "Она"? – спросил Разин, поднимая глаза.

Княгиня покачала головой:

– Я не знаю. Дмитрий никогда не говорил. Но после его смерти я нашла в кабинете портрет. Женщины в старинном платье, очень красивой, с чёрными глазами. На обороте было написано: "Моему спящему рыцарю". И дата – 1801 год. Год убийства императора Павла.

– Портрет сохранился?

– Да. Но я не стала его уничтожать. Спрятала там же, в тайнике. Думала, что это память о какой-то любовнице, простила Дмитрия мысленно... А теперь думаю, что это было нечто иное.

Она подошла к стене, нажала на скрытую пружину – часть панели отошла в сторону, открывая нишу. Оттуда княгиня извлекла портрет в тяжёлой золочёной раме.

Разин ахнул. С портрета на него глядела женщина удивительной, почти неземной красоты: чёрные волосы, уложенные в высокую причёску александровского времени, огромные глаза без зрачков – только чёрная глубина, и улыбка. Та самая улыбка, которую он видел на лице мёртвой княжны. Блаженная, отрешённая, страшная.

– Кто это? – прошептал он.

– Я искала, – ответила княгиня. – Тратила бешеные деньги на сыщиков, на архивариусов. Нашла только одно: в 1801 году при дворе была фрейлина, графиня Аврора Шварц, родом из Пруссии. Говорили, что она обладает даром ясновидения и что сам император советовался с ней по ночам. После убийства Павла она исчезла. Испарилась. Никто не знал, куда она делась. А через год в Кёнигсберге появилось "Братство Золотого Сна". Основала его женщина. С чёрными глазами. Без зрачков.

Разин смотрел на портрет и чувствовал, как монета в кармане нагревается всё сильнее, пульсирует в такт сердцу – или в такт чему-то другому, что исходило от этих чёрных глаз.

– Елена знала об этом? – спросил он тихо.

– Знала. – Княгиня закрыла лицо руками. – Я рассказала ей, когда она стала взрослой. Думала, что предупреждение убережёт. А оно привлекло. Она стала читать отцовские дневники, расспрашивать меня о снах, о монете. Я не придавала значения, думала – девичье любопытство. А потом она встретила Оболенского...

– При чём здесь Оболенский?

– Он тоже из этой истории, Павел Кириллович. Его дед служил вместе с князем Алексеем, участвовал в заговоре против Павла. И у них в роду передавались какие-то бумаги, какие-то тайны. Я думаю... я почти уверена, что Оболенский знал о братстве. Знал о монетах. И Елену привлекло не столько его лицо, сколько его тайна.

Разин вспомнил визит князя, его бледность при виде монеты, его нервозность. Вспомнил мелькнувшие шесть пальцев – или показалось?

– Ваше сиятельство, – сказал он, вставая, – я должен увидеть комнату Елены. И забрать эти дневники, если позволите.

– Забирайте. – Княгиня махнула рукой. – Мне уже всё равно. Спасайте живых, если успеете. Потому что я чувствую – это только начало. Она вернулась. Та, с портрета. И она хочет новых снов. Новых душ.

Разин поклонился и вышел, унося шкатулку с дневниками и ощущение, что мир вокруг истончился, стал прозрачным, как папиросная бумага. Где-то за этой бумагой шевелилось нечто, что ждало своего часа. И улыбалось. Той самой улыбкой, что была на лице мёртвой княжны.

В комнате Елены, куда его проводила старая нянька, всё дышало молодостью, оборванной на взлёте. Книги на столе – Байрон, Гофман, странный французский трактат о сновидениях. На туалетном столике – засушенная роза, девичьи безделушки. И в ящике, под ворохом кружев, – ещё одна монета. Квадратная. С царапиной посвящённого.

И записка, наспех написанная карандашом:

"Он сказал, что отец ждёт меня там. Что она покажет мне дорогу. Я не боюсь, маменька. Я хочу увидеть тот сад, где папенька гуляет с ней. Простите меня".

Разин сжал записку в кулаке и посмотрел в окно. Над Невой, в сером небе, снова кружили чёрные птицы. Много птиц. Очень много.

Он знал теперь, куда идти. В прошлое. В тайны рода Трубецких. В сны, которые стали явью. И к ней – к той, что ждала его с портрета, улыбаясь улыбкой бездушной красоты.

– Что ж, графиня Шварц, – сказал он тихо. – Давайте знакомиться. Меня зовут Павел Кириллович Разин. И я не боюсь ваших снов.

Монета в кармане пульсировала жаром, будто смеялась.

Глава 4.

Дом на Лиговке встретил Разина привычной сыростью и запахом кофе, который с утра варил себе Лерхе, да так и не выпил, убежав по срочному вызову в Обуховскую больницу. На столе остыла чашка, рядом валялся номер «Северной пчелы» с обведённой карандашом заметкой: «Новое происшествие на Васильевском: купчиха вторая, госпожа Ртищева, найдена мёртвой с улыбкой на устах. Полиция безмолвствует. Не пора ли вспомнить о холере душевной?»

Разин отодвинул газету, поставил на стол шкатулку чёрного дерева и долго смотрел на неё, не решаясь открыть. Было в этой вещице что-то зловещее – перламутровые узоры на крышке складывались в причудливый рисунок, который, если взглянуть, напоминал сплетающихся змей или, может быть, корни деревьев, растущих вверх, к небу.

Он зажёл две свечи – третья, оплывшая, догорала в подсвечнике, и пламя её металось, отбрасывая на стены живые, дрожащие тени. Часы на камине пробили одиннадцать вечера. Город за окном затихал, лишь изредка доносился стук пролётки да пьяная песня где-то вдаль.

Разин открыл шкатулку.

Дневников было шесть – толстых тетрадей в кожаных переплётах, пронумерованных римскими цифрами. Первый датировался 1812 годом, последний обрывался на 1825-м, за год до смерти князя. Разин взял самый старый, осторожно перелистнул.

Почерк поначалу был твёрдым, уверенным – почерк военного, привыкшего приказывать. Но чем дальше, тем строки становились нервнее, буквы мельче, поля испещрены рисунками: странные символы, звёзды, глаза. Много глаз.

Он начал читать.

Из дневника князя Дмитрия Ивановича Трубецкого. Тетрадь I. 1812 год, август.

«Мы стояли под Бородином. Ночь перед битвой – страшная ночь. Костры горят так ярко, будто сама преисподняя высветила нам путь. Солдаты молятся, кто-то поёт, кто-то плачет. А я не могу молиться. Я думаю о Лизоньке, о маленькой Лене, которую, может быть, никогда не увижу. И о том, что снилось мне третью ночь подряд.

Снился сад. Невиданной красоты сад, где цветы светятся изнутри, а деревья шепчут на непонятном языке. И женщина в белом. Она идёт ко мне меж стволов, и я знаю, что, если дотронусь до неё – останусь там навсегда. Просыпаюсь в холодном поту. Полковой лекарь говорит – нервы, война, кровь. А я знаю – это не нервы. Это зов. Откуда? Не понимаю».

Тетрадь II. 1813 год, март.

«Ранен под Лейпцигом. Пуля вошла в плечо, кость не задета, но лихорадка мучает страшно. И в лихорадке этой снова Она. Теперь я вижу лицо – прекрасное, но без зрачков. Чёрные глаза, как бездонные колодцы. Она говорит: «Ты нашёл меня, рыцарь мой спящий. Я ждала тебя двенадцать лет».

Кто она? Почему я вижу её? Доктора говорят – бред. Но бред ли? Вчера, когда сознание прояснилось, я набросал её лицо углём на бумаге. Пришёл сосед по лазарету, поручик С., взглянул и перекрестился. «Откуда, – говорит, – ты знаешь графиню Шварц?» Я спросил, кто это. Он ответил: «При дворе покойного императора Павла была. Слыл колдуньей. После смерти государя исчезла. Мой дядя рассказывал, что она умела входить в чужие сны и показывать будущее. Но это сказки, конечно».

Сказки ли?»

Тетрадь III. 1814 год, Париж.

«Русские войска в Париже. Город шумный, весёлый, но мне не до веселья. Я ищу. Сам не знаю чего. Книжные лавки, масонские ложи, стариков, помнящих революцию. Нашёл одного

– бывшего аббата, из тех, что бежали от гильотины. Он продал мне старую книгу на латыни. «Somniorum Arcana» – «Тайны сновидений». Автор – некий Германнус фон Шварц, 1750 год. Шварц. Та же фамилия.

Книга написана сухим, схоластическим языком, но в ней есть главы, от которых волосы встают дыбом. О том, как входить в чужие сны. О том, как создавать общие сновидения. И о монетах. Квадратных медных монетах, которые служат ключами. Их чеканят из особого сплава, в который добавляют ртуть и серебро, и заряжают в определённые фазы луны. Если двое засыпают, сжимая такие монеты, они встречаются во сне.

Но есть и предупреждение: тот, кто слишком долго остаётся в чужих снах, рискует забыть дорогу назад. И тогда тело спит, а душа блуждает вечно.

Я должен узнать больше».

Разин отложил тетрадь, потёр виски. Голова гудела от напряжения, свечи оплыли, ночь за окном стала совсем чёрной. Он взглянул на монету, лежавшую на столе – та слабо мерцала в свете огня, будто дышала.

Он взял следующую тетрадь.

Тетрадь IV. 1816 год, Петербург.

«Я нашёл их. Братство Золотого Сна существует до сих пор. Они собираются на Васильевском острове, в доме отставного сенатора М., который тоже знал покойного императора. Меня привели туда через цепочку знакомств – масонская ложа, рекомендации, пароли.

Их ритуалы странны. Они не молятся ни Богу, ни дьяволу. Они собираются в круг, ложатся на пол и засыпают. Все вместе. А потом, проснувшись, рассказывают один и тот же сон. Будто видели одно и то же место. Сад. Тот самый сад из моих снов.

Я спросил старшего, кто она, женщина в белом. Он долго молчал, потом сказал: «Это Хозяйка. Она открыла врата. Мы ходим в Её сад уже пятнадцать лет. Но никто из нас не смеет приблизиться к Ней. А ты, князь, будь осторожен. Она выбрала тебя. Мы видим это»

Выбрала? За что? Зачем?»

Тетрадь IV, продолжение. 1817 год.

«Я вхожу в сад почти каждую ночь. Лизонька думает, что я сплю спокойно, а я путешествую. Сад огромен, он простирается бесконечно, и в нём есть всё: горы, реки, города, которых нет на земле. И Она ждёт меня у входа.

Мы гуляем, говорим. Она знает всё о моей жизни, о моих мыслях. Она говорит, что любила меня всегда, ещё до моего рождения. Что мы были связаны в прошлых жизнях. Что я должен остаться с ней навсегда.

Я спрашиваю: «А как же Лиза, дочь?» Она улыбается. «Они придут потом. Все придут. Сад ждёт всех».

Страшно ли мне? Да. Но это страх, в котором есть сладость. Как перед падением в пропасть».

Тетрадь V. 1820 год.

«Сегодня Она показала мне нечто. Мы поднялись на холм в центре сада, и я увидел внизу бесконечные ряды спящих. Тысячи, десятки тысяч людей. Они лежали на земле и спали. А между ними ходили другие – тонкие, прозрачные, с длинными руками. И собирали что-то, исходящее от спящих, – светящиеся нити.

«Что они делают?» – спросил я.

«Собирают сны, – ответила Она. – Каждый сон – это энергия. Мы питаемся ею. Без неё сад исчезнет».

«А люди?»

«Люди не замечают. Они просыпаются и думают, что просто видели сон. Им же лучше. А мы получаем силу».

Я хотел возмутиться, но вдруг понял: я сам здесь. Я тоже часть этого. Я тоже питаю сад своими снами. И мне это нравится».

Тетрадь V, декабрь.

«Сегодня Она сказала, что скоро мне придётся выбрать. Остаться с ней навсегда или уйти и забыть дорогу в сад. Третьего не дано.

Я спросил: «А если я уйду, что будет с Лизой и Леной?»

«Они придут позже, – повторила Она. – Я позову их, когда придёт время».

Я понял, что она не шутит. Что она действительно может позвать. И тогда...

Нет. Не могу об этом думать».

Тетрадь VI. 1823 год.

«Я пытаюсь не спать. Пью кофе ведрами, травы, которые даёт знахарка. Но сон всё равно приходит. Сад зовёт меня. Я слабею.

Лизонька в тревоге, думает, что я болен. А я болен – болен садом. Я не могу без Нёе. Она стала моей жизнью, моим воздухом.

Сегодня во сне Она взяла меня за руку и сказала: «Ты готов. Завтра ты не проснёшься».

Я проснулся в ужасе и поклялся себе не спать. Но сейчас, когда пишу эти строки, веки тяжелеют. Я чувствую Её дыхание. Она рядом. Ждёт.

Прощай, Лизонька. Прости, маленькая Лена. Я люблю вас. Но там вечный сад. И я хочу в него».

Дальше шли пустые страницы. Последняя запись обрывалась на полуслове, будто князь заснул, дописывая фразу.

Разин сидел неподвижно, чувствуя, как холод пробирается под куртку. Свечи догорели почти до основания, пламя металось, тени на стенах плясали безумный танец.

Он взглянул на монету. Та пульсировала сильно, ритмично, как сердце.

– Она позовёт их, когда придёт время, – прошептал Разин. – И позвала. Сначала Елену. Потом купчиху. А следующей...

Он не договорил. В дверь постучали – три коротких удара, пауза, ещё один. Лерхе.

Разин впустил доктора и ахнул – тот был бледен как смерть, очки съехали набок, руки дрожали.

– Павел Кириллович! – выпалил он с порога. – В больнице... я видел... она пришла!

– Кто пришёл?

– Женщина! В белом! Я задремал в ординаторской и увидел сон – сад, невиданной красоты, и она идёт ко мне! Я проснулся в холодном поту, а на подушке... вот это!

Он разжал кулак. На ладони лежало чёрное воронье перо.

Разин взял перо, повертел в пальцах. Оно было тёплым, живым, будто только что вырвано из крыла.

– Она расширяет круг, – сказал он тихо. – Ей мало Трубецких. Ей нужны все. Карл Иванович, вы верите в чудеса?

– Я медик! – воскликнул Лерхе. – Я верю в науку! Но то, что я видел во сне... это было реальнее, чем вы сейчас!

– Значит, нам придётся поверить в не-науку. – Разин усадил доктора на стул, налил ему воды. – Рассказывайте подробно. Каждый миг, каждое ощущение. И не смейте сегодня ложиться спать. Будем пить кофе и читать дневники. Вместе.

Он протянул Лерхе последнюю тетрадь князя Трубецкого. Доктор взял её дрожащими руками и принялся читать, то и дело поправляя очки и вздрагивая всем телом.

А Разин смотрел в окно. Там, за чёрной гладью Невы, на Васильевском острове, горел одинокий огонёк. В доме отставного сенатора М., где собиралось Братство Золотого Сна, кто-то не спал в этот час.

Или спал. И видел сад.

– Завтра, – сказал Разин вслух. – Завтра мы пойдём туда.

Монета на столе пульсировала в ответ, и в пульсации этой чудился смех – тихий, женский, бесконечно далёкий и бесконечно близкий.

Глава 5.

История знакомства Павла Кирилловича Разина с Карлом Ивановичем Лерхе началась в проливной дождь, в мертвецкой Обуховской больницы, и могла бы показаться постороннему насмешкой судьбы – если бы судьба вообще имела чувство юмора.

Был ноябрь 1827 года. Третий год Разин оплакивал Катеньку, третий год пил кофе литрами и не спал ночами, третий год искал в чужих преступлениях ответ на вопрос, который мучил его сильнее всякой утраты: почему люди делают друг другу больно?

Дело, которое привело его в Обуховскую больницу, было дрянным, мелким, почти смехотворным – купеческий сын зарезал любовницу в пьяной драке, сам едва не отправился следом и теперь валялся в больничной палате под охраной жандарма. Разину нужно было снять показания, но лекарь, дежуривший в тот день, наотрез отказался пускать «полицейскую ищейку» к умирающему.

– Больной в беспамятстве, – рявкнул лекарь, толстый, красно-рыжий немец с манерами мясника. – Если вы войдёте, и он отдаст Богу душу, кто отвечать будет? Вы? Нет, я! Идите вон, сударь, и приходите, когда очухается.

Разин, промокнувший до нитки, злой и замёрзший, уже готов был разразиться тирадой, но тут из-за спины лекаря раздался тихий, немного заискивающий голос:

– Герр коллежский ассессор, если позволите... я могу проводить вас. Умирающий, может, и не заговорит, но мёртвые иногда рассказывают больше живых.

Разин обернулся. Перед ним стоял маленький, кругленький человечек в очках, с рыжеватыми бакенбардами и такими испуганными глазами, будто он сам только что увидел привидение. Очки всё время сползали с его носа, и он то и дело поправлял их нервным движением.

– Вы кто? – спросил Разин.

– Лерхе. Карл Иванович Лерхе, ординатор. Я здесь недавно, второй месяц. А это герр Шульц, старший лекарь, он добрый, просто устал очень, у нас холерные больные в другом крыле, он третьи сутки не спит...

– Лерхе! – взревел Шульц. – Вы что себе позволяете? Я сказал – нельзя!

– Герр Шульц, – Лерхе вдруг выпрямился, и в голосе его появилась неожиданная твёрдость, – у нас в Пруссии, откуда я родом, полицию уважали. И если герру ассессору нужно осмотреть тело, я имею право его проводить. Как дежурный врач.

Шульц побагровел, открыл рот, но Лерхе уже взял Разина под локоть и потащил вглубь коридора, бормоча на ходу:

– Быстрее, пожалуйста, пока он не опомнился, он добрый, но вспыльчивый, у него жена больная, вот он и срывается...

Так Разин впервые попал в мертвецкую Обуховской больницы. Место было страшное: каменный пол, стоки для крови, цинковые столы, на одном из которых лежало прикрытое простынёй тело. Лерхе подвёл его к столу, откинул простыню.

– Вот она. Убиенная. Мещанка Степанида Коровина, тридцати двух лет. Ножевое ранение в область сердца, смерть наступила мгновенно.

Разин смотрел на лицо женщины. Обычное лицо, некрасивое, даже грубоватое, с мозолистыми руками прачки. И вдруг его словно током ударило: он увидел, как Катенька лежит в гробу – такая же бледная, такая же чужая.

– Что с вами? – испуганно спросил Лерхе. – Вам дурно? Сядьте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.